Салфетников Д. А. Особенности промышленного развития Юга России (Кубани и Ставрополья) на рубеже 1920—1930-х годов / Д. А. Салфетников // Научный диалог. — 2019. — № 9. — С. 422—436. — DOI: 10.24224/2227-1295-2019-9-422-436.

Salfetnikov, D. A. (2019). Distinguishing Characteristic of the Industrial Development of the South of Russia (Kuban and Stavropol) at the Turn of the 1920—1930s. *Nauchnyi dialog*, 9: 422-436. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-9-422-436. (In Russ.).

УДК 94(47).084.5/.6+94(470.62+470.630)“192/193”

DOI: 10.24224/2227-1295-2019-9-422-436

ОСОБЕННОСТИ ПРОМЫШЛЕННОГО РАЗВИТИЯ ЮГА РОССИИ (КУБАНИ И СТАВРОПОЛЬЯ) НА РУБЕЖЕ 1920—1930-х ГОДОВ

© Салфетников Дмитрий Анатольевич (2019), orcid.org/0000-0003-2991-7958, SPIN 8029-2569, кандидат исторических наук, доцент, кафедра истории и политологии, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина» (Краснодар, Россия), da.salfetnikov@mail.ru.

Рассматривается вопрос о развитии промышленных отраслей кубанской и ставропольской экономики в годы начального этапа осуществления планов индустриализации. Представлены результаты сравнительного анализа промышленных секторов данных аграрных регионов в их производственном соотношении с сельскохозяйственным сектором. Актуальность исследования обусловлена необходимостью анализа факторов экономического взаимоотношения различных субъектов хозяйственной деятельности, а также региональных особенностей экономического развития на основе комплексного подхода при анализе социально-экономических трансформаций данного периода. Новизна исследования видится в том, что реконструируется экономическая ситуация в названных аграрных южнороссийских регионах с точки зрения поставленных перед ними задач индустриального развития и эффективности их решения в историческом контексте соответствующей эпохи. Особое внимание уделяется вопросам взаимодействия в этот период коллективизируемого сельского хозяйства с промышленностью, в первую очередь с двумя ее отраслями — пищевой и перерабатывающей. Затрагиваются проблемы реконструкции соответствующих предприятий и строительства новых заводов и комбинатов. Предлагается их классификация по отраслям промышленности и степени производственной значимости. Доказано, что промышленная палитра ставропольских и, особенно, кубанских предприятий отличалась многовекторностью приложения и развития их производственного потенциала, несмотря на ярко выраженную аграрную доминанту в экономике данных регионов.

Ключевые слова: промышленные предприятия; пищевая промышленность; индустриализация; реконструкция; коллективизация; аграрный сектор; нефтепереработка; экономика; техника.

1. Введение

Акценты мирового сообщества в последнее время все чаще расставляются на проблемах жизнеобеспечения, продовольственной безопасности, экологии в различных странах или регионах, на возможностях экономик решать эти проблемы. Поэтому формы и факторы экономического взаимодействия различных субъектов хозяйственной деятельности, промышленности и сельского хозяйства, индустриальных секторов день ото дня будут только актуализироваться. Соответственно, актуальность данной статьи обусловлена необходимостью рассмотрения проблем промышленного развития отдельных регионов в непосредственной взаимозависимости с их ресурсной и сельскохозяйственной базой. Интересен и сам исторически переломный период начала советской индустриализации, когда главным источником средств для ее проведения стало сельское хозяйство со всем драматизмом последствий, особенно в аграрных районах страны.

Сегодня мы можем рассматривать и проблемы, связанные с виртуализацией исторического пространства и с тем, насколько они соотносятся с сырьевой и продовольственной насыщенностью хозяйственной сферы отдельных стран. Исторически наиболее влиятельные из них все активнее действуют в идеологических рамках «постнеклассической рациональности», пересматривающей ряд исторических оценок. Современные исследователи отмечают неоднозначность такой «множественности интерпретаций», базирующейся на разрушении и дроблении некоторой исходной точки смысла [Пигалев, 2001, с. 15]. Научной новизной и объективностью будет отмечаться, скорее, комплексный подход, отличающийся органичностью и целостностью при анализе производственной деятельности на том или ином историческом этапе, как отмечает ряд современных исследователей. Ведь именно органичность модернизационных процессов обеспечивало то, что черты аграрного строя в той или иной стране были вполне успешно модернизированы или модифицированы в процессе становления индустриального общества [Красильщиков, 1993, с. 47]. Это же можно отнести и к индустриальным процессам в нашей стране в 1-ой половине XX века. Социально-экономические трансформации этого периода на территории нашей страны до сих пор притягивают внимание серьезных исследователей своей масштабностью. Особый интерес вызывают они и применительно к аграрным южнороссийским регионам. Несмотря на то, что Кубань и Ставрополье оставались к началу 1930-х годов районами, входившими тогда в Северо-Кавказский край, с явным преобладанием сельского хозяйства, коэффициенты вовлеченности и активности их населения в решение задач индустриализации были довольно высокими, про-

блемы же промышленного развития — чрезвычайно острыми, не только с экономической, но и с политико-идеологической точек зрения. Опыт и темпы промышленной реконструкции, нового промышленного строительства также мотивируют необходимость объективного анализа данной проблематики.

2. Особенности промышленной ситуации на Кубани и Ставрополье на начальном этапе индустриализации

Варианты индустриального прорыва начали формироваться еще в период новой экономической политики, которая была не просто ситуативной возможностью столь необходимой «мирной передышки» и определенного экономического «раскрепощения». К концу НЭПа государство захватило «командные высоты» в крупной промышленности и фактически выхолостило хозяйственный расчет, введя в ней жесткое управление и планирование и стремясь расширить государственный сектор в промышленности и торговле [Рагер, 2016, с. 233—234].

Общая стратегическая задача для страны была ясной: превращение ее из аграрной, пережившей ужасающие катаклизмы (в первую очередь — военные), в индустриальную, способную отразить возможную агрессию государств, не сделавших выводы из уроков Первой мировой войны. Алгоритм развития советского государства был направлен в начале индустриализации на реализацию проекта, согласно которому наше хозяйство должно было развиваться как самостоятельная экономическая единица, опирающаяся в основном на внутренний рынок. Под это были «заточены» все сферы, госструктуры и общественные организации [Чупрыников, 2015, с. 85].

Резкое и бескомпромиссное формирование новых парадигм в сжатых временных рамках требовало достижения целей индустриализации, где сельскому хозяйству отводилась роль главного источника средств для этого процесса. Условия проведения первой пятилетки (в том числе международные, начала 1930-х годов) де факто «программировали» в этой сфере самые жесткие подходы и издержки, апогеем которых был голод зимой 1932—1933 годов в южных районах страны. Особенно катастрофичен он был на Кубани, сопровождаясь не только людскими потерями и раскулачиванием, но и выселением жителей ряда казачьих станиц с последующим их переименованием. Многие отечественные исследователи констатируют, что власть коллективизировала Кубань с особой жестокостью. Житница России пережила высылки, аресты, голодомор и черные доски, практически не восстановив тогда прежний уровень сельскохозяйственного производства [Щетнев, 2014, с. 83].

Нехватка оборотных средств, достаточного количества техники, квалифицированных кадров оказывали негативное влияние на выполнение и без того крайне завышенных плановых показателей первой пятилетки. Нельзя не отметить и тот факт, что начало индустриализации для пищевой промышленности было далеко не самым удачным из-за предшествующего неурожая 1927 года. Он привел к повышению себестоимости продукции в следующем году, что в свою очередь вызвало свертывание мукомольной, маслосыроваренной и мясной промышленности. Например, в Ставропольском округе осталось всего 95 действующих предприятий после неурожая [Труды ... 1967, с. 30]. В 15 районах Кубанского округа (тогда одного из 4-х округов Кубани) действующими к 1928 году оставались 85 маслозаводов. Закрытие же там подлежали 74 маслозавода, в основном это были частные предприятия, различающиеся по своей производительности [Подсчитано по: ГАКК ф. р-1547 оп. 1, д. 60, л. 58—61].

В конце 1920-х годов большинство предприятий были государственными, в основном районного значения. По Кубанскому округу, например, таких было около 70 %, причем на первом месте по количеству, с большим отрывом, шли цензовые предприятия мукомольной промышленности. Наибольшее количество рабочих было всего на 2-х консервных заводах (свыше 1 тысячи человек). 67 % предприятий здесь принадлежали пищевкусовой промышленности, из них, тем не менее, более трети были экстерриториальными или окружного значения [Государственный архив ..., ф. р-237, оп. 1, д. 226, л. 100].

По Терскому округу Ставрополя в 1929 году государственных предприятий экстерриториальных насчитывалось 18, окружных — 16, районных здесь также было гораздо больше — 120. Они были средними либо крупными. Таковыми были и треть предприятий кооперативных и кустарно-промысловых — 54. Подавляющее большинство предприятий — 1247 — были мелкими частными и кустарными некооперированными. По всему Ставрополью к началу индустриализации лишь около сотни предприятий принадлежали пищевкусовой промышленности, но их число каждый год росло, учитывая специфику экономики края [Наш край, 1983, с. 135].

Именно эта отрасль промышленности определяла во многом промышленный облик кубанских и ставропольских округов (с 1930 года — районов, входивших в Северо-Кавказский край). Она включала в себя (кроме мукомольной) маслобойную, макаронную, колбасную, консервную, пивоваренную и винокуренную промышленности, а также хлебозаводы. Их мельницы, заводы и прочие предприятия были организованы в окружные тресты (типа «Мельмассельпрома») и районные промышленные объе-

динения, количество этих райпромов на рубеже 1920—1930-х годов постоянно росло, но их финансовое положение, в силу вышеуказанных причин, отличалось крайне напряженным состоянием. Большинство из них практически не имели собственных оборотных капиталов, и только получаемая ими прибыль позволяла быть «на плаву».

Задачей экономической, которая при этом приобретала и политический оттенок в свете текущих задач индустриализации, было снижение себестоимости продукции. По пищевкусовой промышленности определенные результаты в этом отношении были, но снижение это было все-таки меньше, чем по другим отраслям промышленности. В первую очередь эта ситуация объяснялась удорожанием сельскохозяйственного сырья. Выходить из такой ситуации приходилось за счет проведения различных организационных мероприятий, достаточно четкого установления всей полноты картины различных действующих предприятий, жесткого сокращения накладных расходов на командировки, лишние штаты управленцев и прочее. Большие средства требовались на ремонт уже имеющихся заводов и строительство новых (мясокомбинатов, макаронных и консервных фабрик, сыроваренных, маслособойных, сахарных заводов и др.)

Предприятия, обслуживающие нужды населения в продуктах сельского хозяйства, но не имевшие собственных накоплений для ремонтно-строительных работ, осуществляли их через окружные и районные тресты. Кроме возможного снижения себестоимости, перед хозяйственными организациями стояли задачи: достичь максимальной загрузки предприятий, опять-таки максимально сократить все накладные расходы и усилить трудовую дисциплину, «изживая дефекты производства» и «содействуя рационализации производственных процессов» [Государственный архив ..., ф. р-237, оп. 1, д. 226, л. 113].

3. Промышленные приоритеты в экономике кубанских и ставропольских районов Северо-Кавказского края и потенциал их реализации

Следует заметить, что при реконструкции прежних, уже существовавших длительное время промышленных предприятий, так же как и при строительстве новых заводов и фабрик, хозяйственные и партийно-государственные органы исходили из конкретных директив и планов максимального их использования. Они должны были выпускать наиболее полный ассортимент продукции в соответствии с профилем предприятия, его подчиненностью (трестам или наркоматам) и разработанностью сырьевой базы. Освоение недр, ресурсов также было одной из главных задач в рам-

как реконструкции промышленности, индустриализации вообще, поскольку надеяться на займы и капиталовложения из-за рубежа в то время не приходилось. С этим была связана и задача нахождения источников средств. Масштабность этих задач, методы их решения проявлялись и в том, что правительство сосредоточило усилия на реализации экономических программ, «последовательно и планомерно подчиняло все жизненно важные для общества ресурсы» [Ким и др., 2010, с. 64].

Предприятия, относящиеся к тяжелой промышленности, топливной энергетике, промышленности стройматериалов (цемент, гипс, шифер, камышит), на Кубани имелись. Их было немного в сравнении с количеством подобных предприятий в крупных промышленных районах страны — например, Центральном или Уральском. Там ставилась, например, задача максимального развития угольной промышленности (Кузбасса) для обеспечения нужд промышленности Урала и Сибири, развития транспорта и перевооружения металлургии Урала на минеральное топливо, создания сибирской черной и цветной металлургии и т. д. [Савин, 2013, с. 25]. Но некоторые из кубанских и ставропольских были широко известны в стране благодаря своему экономическому «весу», в частности, тому вкладу, который они вносили в дело индустриализации. Кроме уже упомянутого завода им. Седина, можно назвать краснодарский завод «Краснолит», «Армалит» в г. Армавире, туапсинский нефтеперегонный, новороссийские «Красный двигатель», знаменитые цементные заводы.

Ставропольская же экономика была почти полностью ориентирована на производство и переработку аграрного сырья, что обуславливалось довольно развитым растениеводством и животноводством. Значимость и даже славу этого края обеспечивали именно легкая и пищевая промышленности, на долю которых приходилось больше половины всей выпускаемой здесь продукции. Так, из 140 промышленных предприятий в 1928 году 93 принадлежали пищевкусовой промышленности, а ремонтных заводов и мастерских было всего 7 [Цогоев, 1957, с. 6]. При этом несколько крупных предприятий металлообрабатывающей промышленности здесь все же находились, самый известный из них — «Красный металлист», чьи цеха размещались в столице края — г. Ворошиловске (Ставрополь).

Находившиеся в начале 1930-х годов в составе Северо-Кавказского края кубанские районы вместе с трестом «Майнефть» имели довольно большое промышленное значение. Топливная энергетика набирала силу, от повышения добычи нефти и газа зависела успешная работа различных предприятий транспорта, в том числе и того, который обслуживал весь объем сельскохозяйственных работ. Экономика Кубани этот важный сегмент

имела, значимость нефтедобычи и нефтепереработки только возрастала, тем более что здесь уже на полную мощность работали два крупнейших нефтеперегонных завода — Туапсинский и Краснодарский. Туапсе и особенно Новороссийск имели значение в экономике края и страны также как портовые города. Задача создания на черноморском побережье Кубани мощной курортной зоны в этот период только ставилась.

Тем не менее еще в конце 1920-х годов в хозяйственных и партийных документах признавалась та «важнейшая самостоятельная роль», которую играли в экономике Черноморского округа курортные полосы около Сочи, Геленджика и Анапы, дававшие «особый отпечаток хозяйственной жизни Черноморья». При этом власти констатировали, что расположение аграрных зон вокруг курортных полос и промышленных районов стимулировало процесс их превращения в продовольственные базы портовых и курортных городов [Центр ..., ф. 9, оп. 1, д. 797, л. 1, 1 об].

А вот ставропольские курортные районы, основанные на источниках ценнейших минеральных вод, в России и за ее пределами были известны давно. Еще с XIX века не нуждались в рекламе минераловодские, пятигорские и кисловодские курорты.

С началом 1-ой пятилетки они получили новый импульс в своем развитии, в первую очередь по части совершенствования своей инфраструктуры, обеспеченности квалифицированными кадрами — медработниками и обслуживающим персоналом. Этот кластер имел немаловажное значение для реализации планов советской модернизации, поскольку касался полноценного отдыха городских и сельских тружеников. А приезжали сюда работники самых разных отраслей экономики на оздоровление, для поддержки сил, ведь трудовое напряжение на производстве нередко было чрезвычайно высоким. И совершенно очевидно, что здоровое питание, экологичный и сбалансированный рацион обеспечивался местными, достаточно широкими возможностями аграрного сектора. Он, в свою очередь, стимулировал рост местной пищевой (или, как называли в то время, — пищевкусовой) и перерабатывающей промышленности.

4. Роль пищевкусовой промышленности в развитии производственного потенциала кубанских и ставропольских предприятий

В отношении пищевой промышленности в ходе первой пятилетки краевыми органами ставилась задача перерабатывать всю продукцию сельского хозяйства в пределах Северо-Кавказского края. Констатировался «значительный рост промышленности по переработке продуктов сельско-

го хозяйства», что превращало эту отрасль «из промышленности полукустарного типа в довоенное время в промышленность, обладающую крупнейшими комбинатами» [Индустриализация ..., 1971, с. 387].

Практически с началом процесса коллективизации стали проводить так называемые контрактационные работы. Заключались контрактационные договоры с сельскими производителями на поставку сырьевой продукции, это было не только зерно, но также овощи, фрукты, клубника, налаживалась и переработка дикорастущих фруктов, имеющихся здесь в изобилии (груша-дичка и др.) Подобные договоры стимулировали развитие и появление заводов, перерабатывающих сельхозпродукцию.

К этому времени в различных районах Северного Кавказа уже вступили в строй ряд новых заводов и комбинатов соответствующих производственных профилей. Так, в 1930 году появились консервные комбинаты в Адыгее и станице Крымской, мясокомбинат в Краснодаре. Весной — летом 1932 года заработали цеха краснодарского вареньеварочного завода — механический и вареньеварочный. Строительными материалами и рабочей силой завод был обеспечен, но сразу шло форсированными темпами строительство следующих цехов: засолочного, тестового, приготовления начинки, сушильного [Государственный архив ..., ф. 1547, оп. 1, д. 59, л. 109].

Форсированными темпами строительства и расширения производства тогда сложно было кого-то удивить. С одной стороны, мы видим на этом примере определенные успехи в расширении специализации предприятий пищевкусовой промышленности, чем отличались в лучшую сторону кубанские и ставропольские районы. С другой стороны, завышенные плановые задания, их выполнение в форсированном формате неминуемо порождали ряд объективных проблем. К ним добавлялись и субъективные, если речь шла о неспособности крупных производственных единиц, в силу некомпетентности их руководства или других причин, вовремя наладить сбыт продукции, особенно если она являлась по факту скоропортящейся (и полностью зависела от скорости доставок). В этом заключалась еще одна особенность экономической проблематики в указанных регионах — необходимость добиться решения проблем своевременных транспортных перевозок.

Отметим, что вновь создаваемые предприятия находились в довольно сложном финансовом положении, как уже было указано выше. Заказы же нужно было выполнять вовремя, в том числе те, которые поступали из других регионов. Так, например, Адыгейский консервный комбинат производил засолку овощей для трудящихся Днепропетровска, находящегося в УССР. Чтобы поправить свое финансовое состояние, в Краснодаре, например, вареньеварочный завод уже в начале 1933 года предлагал к про-

даже не только остаточную продукцию, но и часть своего оборудования. Это были баллоны стеклянные, косточки фруктовые, выжим кислоты (отходы), центробежный насос, пресс виноградный и др. [Государственный архив ..., ф. 1547, оп. 1, д. 59, л. 109].

Однако «лишнее» оборудование (или сырье), с которым подобным образом вынужденно расставались заводы, потом нередко становилось фактором производственных проблем, да и не только. Подобные объективные и субъективные трудности часто преобразовывались из-за невыполнения плановых обязательств во «враждебную деятельность» конкретных виновников «порчи овощей, разбазаривающих государственные средства и срывающих выполнение заказов пролетарских центров». И наш вареньеварочный завод «Союзплодоовощ», приступив летом 1933 года к переработке вишни, абрикосов (а косточковые плоды поставлялись и в Москву), попал в очень непростое положение. Несколько раз государственная инспекция забраковывала продукты из-за наличия гнили, грозила прокуратурой, а в прессе дело приобрело, можно сказать, политический характер [Там же].

С началом 1930-х годов происходит обострение международной обстановки. Этот внешнеполитический фактор в еще большей степени актуализировал задачи индустриализации, нацеленные на укрепление экономики страны и ее обороноспособности. Поэтому и борьба за увеличение качества продукции стала задачей, имевшей конкретное политическое выражение. Одной из составляющих этой важнейшей задачи была необходимость поднять уровень потребления жителями промышленных товаров, особенно в сельской местности, где нуждались в продукции как легкой промышленности, так и тяжелой. Полки городских магазинов должны были, в свою очередь, наполняться продуктами, кожгалантереей и прочими товарами.

На полях Кубани и Ставрополя уже в начале 1930-х годов стали появляться отечественные комбайны «Сталинец», трактора марок СТЗ и ХТЗ, постепенно вытеснявшие зарубежные «Фордзоны» и «Интеры». Село в тяжелых условиях, учитывая издержки сплошной коллективизации, голод, раскулачивание, тем не менее смогло (практически бесперебойно) снабжать своей продукцией предприятия пищевой и перерабатывающей промышленности. Аграрные районы Юга России отличались большим их количеством, среди этих предприятий были и довольно крупные. Это не столько было «данью гигантомании», сколько диктовалось насущной потребностью в переработке крупных объемов сельхозпродукции, да и требования к этому производству постоянно возрастали.

В тот период открыто констатировалось, что существующие в городах производства по переработке овощей «примитивны и не отвечают

возросшим требованиям», а отсутствие спецпомещений и оборудования «чрезвычайно отражается на качестве свежих и переработанных овощей, удорожая себестоимость и т. д.». Как в Краснодаре, так и в Ставрополе, других городах, в это время ставились задачи по строительству больших овощеперерабатывающих заводов, что сокращало аренду складских помещений, штаты многочисленных заготовителей, кладовщиков, завскладами, находящихся порой в разных концах города. Успеху подобного промышленного строительства, на наш взгляд, способствовали два фактора. Во-первых, это форма себестоимости, которая позволяла построить крупное овощеперерабатывающее предприятие не только на госдотации или субсидии, но и «на средства всех организаций, занимающихся переработкой овощей». Во-вторых, в том же Краснодаре расширялось количество больших комбинатов и заводов, среди которых свою значимую нишу занимали именно перерабатывающие сельхозпродукцию предприятия [Государственный архив ..., ф. р-1547, оп. 1, д. 59, л. 141].

Не только в Краснодаре, но и в других городах региона ориентация крупных предприятий на сельское хозяйство углублялась. Так, с началом сплошной коллективизации оформилась окончательно специализация армавирского завода «Армалит», чья современная продукция была предназначена для аграрного сектора. Завод принадлежал к классу предприятий тяжелой промышленности и выпускал сеялки, бороны, культиваторы и даже хлопковые молотилки. В том же Армавире была завершена реконструкция знаменитого мясоконсервного комбината (больше известного как «беконная фабрика»), поставлявшего свою продукцию и на экспорт. В Ставрополе заработал городской молокозавод, биофабрика и позднее — городской пищевой комбинат. Самые высокие среднегодовые темпы прироста были в Ставрополе: по производству животного (сливочного в основном) масла — 12,5 %, масла растительного гораздо меньше — 4,7 %, мяса — 3,6 %, муки — 3,9 %. По ставропольской консервной промышленности прирост в 1-ой пятилетке также был, как и по части продукции кубанских предприятий консервной промышленности. Ставропольская консервная промышленность как отрасль формируется в годы 1-ой пятилетки, но относительно крупным тогда предприятием был только консервный завод в г. Ставрополе [Основные ..., 1967, с. 86].

С 1928 по 1930 годы на Кубани вошли в строй более 30 новых предприятий, по большей части предназначенных для переработки сельскохозяйственного сырья. Но в целом можно констатировать, что они принадлежали к разным отраслям промышленности. Несколько крупных предприятий в это же время были реконструированы, среди них: обозный завод

им. Калинина, механический им. Фрунзе, Апшеронские нефтепромыслы. Причем востребованными в рамках задач индустриализации были практически все предприятия из тех отраслей промышленности, которые здесь имелись, в том числе перерабатывающие не только сельскохозяйственное сырье, но и нефть, лес, а также производящие стройматериалы, в первую очередь, конечно — цемент, необходимый не только на Юге России, но и на всех крупных стройках страны.

Нельзя не отметить и то, что стимулирование развития перерабатывающей промышленности шло во многом за счет жесткой эксплуатации сел и станиц Кубани и Ставрополья. Если реконструируемые мукомольные предприятия оставались в основном небольшими, то в маслобойной промышленности появились крупные заводы [Салфетников, 2018, с. 51].

Полным ходом развивались предприятия треста «Севкавжирмасло». Например, в самом конце пятилетки, в 1932 году, вошел в строй один из очень немногих подобных предприятий в СССР — маргариновый завод. Его коллектив отметил и лично поздравил нарком снабжения А. И. Микоян [Хрестоматия ..., 1967, с. 116].

Трудовой подъем рабочих, крестьян и служащих был действительно историческим фактором проведения индустриализации, в рамках которой их взаимодействие принимало различные формы. Это и упомянутая контрактация, и привлечение промышленных рабочих к осуществлению задач сплошной коллективизации на селе («двадцатипяти тысячники»), и сбор средств по третьему «займу индустриализации». В Ставропольском округе подавляющее большинство трудящихся, городских и сельских, собрали свыше 2,5 млн руб. — даже несколько больше, чем намечалось заданием [Очерки ..., 1986, с. 119]. Но откровенное выкачивание средств из села для кубанских районов имело особо пагубные последствия в 1932—1933 годах, так как большинство предприятий здесь напрямую было связано с сельским хозяйством, находившимся на грани выживания. Несмотря на исторический драматизм коллективизации и ее последствия, ставропольские и кубанские колхозы и совхозы увеличили с 1930 года поставки государству сельхозпродукции. Сельское хозяйство стало главным источником средств для индустриализации, что имело особое значение для экономики страны и для развития пищевой и перерабатывающей промышленности наших регионов.

5. Заключение

Подводя итоги, отметим, что и промышленному, и аграрному сектору кубанской и ставропольской экономики отводилась важная роль в ин-

дустриальном процессе как региональным хозяйственным механизмам; специфику развития секторов определяло явное преобладание в них доли сельского хозяйства. В этом проявлялась схожесть промышленного развития данных регионов. В сравнении мы показали больший удельный вес кубанской промышленности в том сегменте, который касался реконструкции и расширения отраслей промышленности, связанных с металлообработкой, станкостроением, нефтедобычей и производством стройматериалов, в первую очередь цемента. Ставропольская нефтяная и газовая промышленность появилась гораздо позднее, уже за пределами рассматриваемого периода.

Насущной задачей в рамках 1-го пятилетнего плана индустриализации было освоение недр и ресурсов, которыми располагали данные регионы. Кроме богатых земельных ресурсов, они имели также лесные и водные. На Кубани этот период был началом курортного строительства на Черноморском побережье, в Ставрополье же значительно расширилась сеть курортов минеральных вод. Кубанские и ставропольские здравницы приобретали общесоюзный характер. В рамках индустриализации главным направляющим вектором в промышленном развитии рассматриваемых регионов была интенсификация работы пищевой и перерабатывающей продукцию сельского хозяйства промышленности. Она осуществлялась в жестких условиях начавшейся коллективизации, наносившей значительный урон не только сельскому хозяйству, но и традиционному укладу жизни казачье-крестьянского населения. Однако мы можем констатировать укрепление данных отраслей кубанской и ставропольской промышленности как по части выпускаемой продукции, так и в плане их производственного значения для экономики Северного Кавказа и страны в целом.

Источники и принятые сокращения

1. ГАКК — *Государственный архив Краснодарского края*. Ф. Р-237. Оп. 1. Д. 226, Л. 100, 113.
2. ЦДНИКК — *Центр документации новейшей истории Краснодарского края*. Ф. 9. Оп. 1. Д. 797. Л. 1, 1 об.
3. ГАКК — *Государственный архив Краснодарского края*. Ф. 1547. Оп. 1. Д. 59. Л. 109, 141.
4. ГАКК — *Государственный архив Краснодарского края*. Ф. Р-1547. Оп. 1. Д. 60. Л. 58—61.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Индустриализация Северного Кавказа (1926—1932 гг.)* : документы и материалы. — Грозный, 1971. — 564 с.

2. *Ким М. Ю.* Социальная политика советской власти (1930-е гг.) в отечественной и зарубежной историографии / М. Ю. Ким, К. А. Кузоро // Вестник Томского государственного университета. — 2010. — № 334. — С. 64—67.
3. *Красильщиков В. А.* Модернизация России на пороге XXI века / В. А. Красильщиков // Вопросы философии. — 1993. — № 7. — С. 40—56.
4. *Наш край : документы, материалы (1917—1977 гг.).* — Ставрополь : Книжное издательство, 1983. — 405 с.
5. *Основные показатели экономической эффективности и развития промышленности Ставрополя.* — Ставрополь, 1967. — 276 с.
6. *Очерки истории Ставропольского края.* — Ставрополь : Книжное издательство, 1986. — Т. 2. С 1917 года до наших дней. — 607 с.
7. *Пигалев А. И.* Культура как целостность : методологические аспекты / И. А. Пигалев. — Волгоград : Волгоградский государственный университет, 2001. — 461 с.
8. *Рагер Ю. Б.* Восстановление экономики Кубано-Черноморской области после Первой мировой и Гражданской войн / Ю. Б. Рагер // Научные труды КубГТУ. — 2016. — № 9. — С. 227—236.
9. *Савин О. И.* Модернизация промышленности Красноярского края и профсоюзы: социально-экономические и исторические аспекты : монография / О. И. Савин. — Красноярск : Сибирский федеральный университет, 2013. — 232 с.
10. *Салфетников Д. А.* Направления промышленной модернизации аграрных районов Юга России и ее осуществление во 2-ой половине 1930-х годах. (на примере Кубани и Ставрополя) / Д. А. Салфетников // Genesis: исторические исследования. — 2018. — № 3. — С. 49—60. — DOI: 10.25136/2409-868X.2018.3.25462.
11. *Труды Ставропольского сельскохозяйственного института.* — Ставрополь, 1967. — Выпуск 26. Социально-экономический. — 192 с.
12. *Хрестоматия по истории Кубани (1917—1967) : документы и материалы.* — Краснодар : Книжное издательство, 1982. — Ч. 2. — 262 с.
13. *Цогоев Н. В.* Развитие народного хозяйства Ставрополя за 40 лет Советской власти / Н. В. Цогоев. — Ставрополь : Книжное издательство, 1957. — 104 с.
14. *Чупрынников С. А.* Северо-Кавказские профсоюзы в социально-производственной сфере в 1930-е годы / С. А. Чупрынников // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. — 2015. — № 1 (156). — С. 84—94.
15. *Щетнев В. Е.* Кубанская трагедия / В. Е. Щетнев // InMemoriam : избранные труды профессора КубГУ В. Е. Щетнева. — Краснодар, 2014. — 124 с.

DISTINGUISHING CHARACTERISTIC OF THE INDUSTRIAL DEVELOPMENT OF THE SOUTH OF RUSSIA (KUBAN AND STAVROPOL) AT THE TURN OF THE 1920—1930s

© **Dmitriy A. Salfetnikov (2019)**, orcid.org/0000-0003-2991-7958, SPIN 8029-2569, PhD in History, associate professor, Department of History and Political Science, Federal State

Budgetary Educational Institution of Higher Education “Kuban State Agrarian University named after I. T. Trubilin” (Krasnodar, Russia), da.salfetnikov@mail.ru.

The question of the development of the Kuban and Stavropol economy industrial sectors in the years of the initial stage of the industrialization plans is considered. The results of a comparative analysis of the industrial sectors of these agricultural regions in their production ratio with the agricultural sector are presented. The relevance of the study is due to the need to analyze the factors of economic interrelation of various business entities, as well as regional characteristics of economic development based on an integrated approach when analyzing the socio-economic transformations of this period. The novelty of the research is in the fact that the economic situation in these agrarian southern Russian regions is being reconstructed from the point of view of the tasks of industrial development and the effectiveness of their solution in the historical context of the corresponding epoch. Special attention is paid to the issues of interaction in this period of collectivized agriculture with industry, primarily with its two branches — food and processing. The problems of reconstruction of relevant enterprises and the construction of new plants and factories are touched upon. Their classification by industry and degree of importance is proposed. It is proved that the industrial enterprises of Stavropol and, especially, Kuban were distinguished by a multi-vector application and development of their production potential, despite the pronounced agrarian dominant in the economy of these regions.

Keywords: industrial enterprises; food industry; industrialization; reconstruction; collectivization; agrarian sector; oil refining; economy; equipment.

MATERIAL RESOURCES

- GAKK — *Gosudarstvennyy arkhiv Krasnodarskogo kraya*. F. 1547. Op. 1. D. 59. L. 109, 141. (In Russ.).
- GAKK — *Gosudarstvennyy arkhiv Krasnodarskogo kraya*. F. R-1547. Op. 1 D. 60. L. 58—61. (In Russ.).
- GAKK — *Gosudarstvennyy arkhiv Krasnodarskogo kraya*. F. R-237. Op. 1. D. 226, L. 100, 113. (In Russ.).
- TsDNIKK — *Tsentr dokumentatsii noveyshey istorii Krasnodarskogo kraya*. F. 9. Op. 1. D. 797. L. 1, 1 ob. (In Russ.).

REFERENCES

- Chuprynnikov, S. A. (2015). Severo-Kavkazskiy profsoyuz v sotsialno-proizvodstvennoy sfere v 1930-e gody. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 1: Regionovedenie: filosofiya, istoriya, sotsiologiya, yurisprudentsiya, politologiya, kulturologiya, 1(156): 84—94. (In Russ.).*
- Industrializatsiya Severnogo Kavkaza (1926—1932 gg.): dokumenty i materialy. (1971). Groznyy. (In Russ.).*
- Khrestomatiya po istorii Kubani (1917—1967): dokumenty i materialy. 2. (1982). Krasnodar: Knizhnoye izdatelstvo. (In Russ.).*
- Kim, M. Yu., Kuzoro, K. A. (2010). Sotsialnaya politika sovetской vlasti (1930-e gg.) v otechestvennoy i zarubezhnoy istoriografii. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, 334: 64—67. (In Russ.).*
- Krasilshchikov, V. A. (1993). Modernizatsiya Rossii na poroge XXI veka. *Voprosy filosofii, 7: 40—56. (In Russ.).*

- Nash kray: dokumenty, materialy (1917—1977 gg.)*. (1983). Stavropol: Knizhnoye izdatelstvo. (In Russ.).
- Ocherki istorii Stavropolskogo kraya. 2. S 1917 goda do nashikh dney*. (1986). Stavropol: Knizhnoye izdatelstvo. (In Russ.).
- Osnovnyye pokazateli ekonomicheskoy effektivnosti i razvitiya promyshlennosti Stavropolya*. (1967). Stavropol. (In Russ.).
- Pigalev, A. I. (2001). *Kultura kak tselostnost': metodologicheskiye aspekty*. Volgograd: Volgogradskiy gosudarstvennyy universitet. (In Russ.).
- Rager, Yu. B. (2016.). Vosstanovleniye ekonomiki Kubano-Chernomorskoy oblasti posle Pervoy mirovoy i Grazhdanskoy voyn. *Nauchnyye trudy KUBGTU*, 9: 227—236. (In Russ.).
- Salfetnikov, D. A. (2018). Napravleniya promyshlennoy modernizatsii agrarnykh rayonov Yuga Rossii i ee osushchestvleniye vo 2-oy polovine 1930-kh gg. (na primere Kubani i Stavropolya). *Genesis: istoricheskie issledovaniya*, 3: 49—60. DOI: 10.25136/2409-868X.2018.3.25462. (In Russ.).
- Savin, O. I. (2013). *Modernizatsiya promyshlennosti Krasnoyarskogo kraya i profsoyuzy: sotsialno-ekonomicheskiye i istoricheskiye aspekty*. Krasnoyarsk: Sibirskiy federalnyy universitet. (In Russ.).
- Shchetnev, V. E. (2014). Kubanskaya tragediya. In: *InMemoriam: izbrannyye trudy professora KubGU V. E. Shchetneva*. Krasnodar. (In Russ.).
- Trudy Stavropolskogo selskokhozyaystvennogo instituta*. 26. *Sotsialno-ekonomicheskiy*. (1967.). Stavropol. (In Russ.).
- Tsogoyev, N. V. (1957). *Razvitiye narodnogo khozyaystva Stavropolya za 40 let Sovetskoy vlasti*. Stavropol: Knizhnoye izdatelstvo. (In Russ.).